

МАЛЬЧИШЕЧЬЯ ЛЮБОВЬ

1.

Память нежно бережёт поныне
Детство, что давным-давно прошло...
Потонуло в яблоневом дыме
Русское просторное село.
Всё тут, как положено по штату:
Церковь,
Тополя во весь свой рост.
Над колодцем – журавель горбатый
И поодаль – сумрачный погост.
За селом железка недалече.
За железкой на сто вёрст окрест,
Добрый солнцем сказочно расцвечен,
Широко шумел
Могучий лес.
Бабка мне таинственно шептала,
Осеняя душу в полруки,

Что в лесу, мол, нечисти – навалом:
Ведьмы да шальные лешаки.
«Не ходи в Совиное урочье:
Там их в чаще больше, чем опят:
Попадёшь к ним в лапы – заморочат,
В пень лесной
Аль в камень обратят!»
Ну а мне в таинственной той чаще,
Где прохладный мох зеленобров,
Встретилась, как в сказке настоящей,
Первая мальчишечья любовь.

2.

Было так:
Девчушка-непоседа,
Чтобы дома взрослым не мешать,
На всё лето уезжала к деду
Деревенским воздухом дышать.

Дед её в краю маньчжурском хмуром
Сто смертей прошёл и сто дорог,
И взамен руки из Порт-Артура
Крест георгиевский приволок.
Не ахти весёлая разменка!
Только дед по-своему судил:
Ты одно пойми:
Сам Кондратенко
Приколол Георгия к груди!»
Шла молва, что сын его, Егорка, -
Комиссар в Москве,
Имеет вес.
Дед к нему,
Хоть и случалось горько,
Никогда за помощью не лез.
Гордый был,
На лёгкое не падок.
Говорил, как резал, при любом:
Оттого, мол, хлеб насущный сладок,
Что добыт он
Собственным горбом.

Девочку подружки звали Машей,
Дед её Марией величал.
Признаюсь:
Во всей округе нашей
Я таких красивых не встречал.
Не хотел бы я насмешке мелкой
Отдавать своих девчонок в плен.
Но у Маши –
Кофточка с отделкой,
Шёлковая юбка до колен.
Волосы подстрижены умело,
Знать, не любит нянчиться с косой,
И глаза,
Как две черники спелых,
Сбрызнутые утренней росой.

Борька Зуев,
Друг мой закадычный,
Ядовит был на язык, пострел,
Хоть меня он и щадил обычно,
А на этот раз не утерпел.
Мучимый дурной своей замашкой,
Он при всём честном народе – бряк:
«Чтой-то ты хвостом виляешь, Пашка!
Ай в москвичку втюрился, чудак?»
Вредный Борька!

Помолчал бы малость:
Я и сам не знаю, что к чему.
Так со мной ни разу не случалось,
Заболел я что ли? Не пойму!
(Орловская правда, 1969, 9 февраля)

ПЕРВЫЕ МОИ УЧИТЕЛЯ (из поэмы «На Васильевской улице»)

В точных науках не очень сильна,
Мать путала знаменатель с числителем,
И все же, не глядя на это, она
Была моим первым учителем.
Познав самоучкой секрет букваря
(на дроби у ней не хватало пороху),
Мать жадно читала все книги подряд,
Которые ей попадались под руку.

Когда все познания её переняв,
Я заскучал под коптилкой угарной,
Мать неохотно свела меня
В частную школу
На Первой Пушкарной.
Владелица школы, она ж – педагог,
Старая дева, когда-то грозная,
В домашнем капоте давала урок,
Страшая послушников Богом и розгами.
Но обернулась бывалая гроза
Злобой тупой, старческой ленью.
Изнеженный кот, прищурив глаза,
Громко мурлыкал у ней на коленях.
Чёрный с отливом, как антрацит,
Он по-кошачьему был знаменитость,
А мне претил его барский вид,
Бесили довольство его и сытость.
Гнев мой мальчишеский рос и рос.
Проникнув однажды к коту на лежанку,
Я прицепил мурлыке на хвост
Из-под сардин заграничных банку.
Боже мой, что я наделал, дурной!
Кот заорал на весь дом истошно,
И в классной комнате, словно чумной,
Стал прыгать от банки, куда только можно.
«Я исключаю тебя, изувер!
Вон отсюда!»
Взбесилась старуха.
Отец меня высек,

С места в карьер,
А мать шепнула:
«Не падай духом».
Зачем же подать? Какая нужда?
Вращаясь по вольной своей орбите,
Я, можно сказать, равнодушно ждал
Дальнейших семейных событий.
Отец как вспыхнул, так и погас;
Трунил надо мною, ходил весёлый,
И вскоре свёл меня в третий класс
Настоящей советской школы.
О! Это не старорежимный капот,
Не «отче наш» под иконой печальной.
И востроглазый, вихрастый народ
Принял меня в своё братство лояльно.

(Орловская правда, 1966, 27 ноября)

Были мы наивные ребята:
Сельщина – не городской закал!
Но завод,
Назвав нас «фабзайчата»,
Принял в шумный цех и обласкал.

О, приют рабочих общежитий,
Давший кров крестьянской голытьбе!
Нынче, при своём солидном быте,
Я тайком скучаю по тебе.

Жили мы согласно и неробко,
Хоть харчишки были не ахти.
Но мы знали:
Постная похлёбка –
Временная трудность на пути.

Мастер наш,
Врождённый пролетарий,
Штурмовавший Зимний в Октябре,
Не вдавался в тонкие детали,
Не старался выглядеть добрей.

Был он прям и справедлив по чести,
Лодырей, лгунишек не терпел,
А когда мы собирались вместе
После заводских ударных дел,

Рисовал нам задушевым словом
Над апрельской синевой Невою

На стальном броневику живого
Ленина с простёртою рукой,

Вспоминал, как Шепетовку брали,
Поднимая контру на штыки,
как за власть Советов умирали
Настоящие большевики...

Словом, жизнь катилась полным ходом.
Мы довольны были – это факт!
Днём – гудящие цеха завода,
вечерами – клуб или рабфак.

Так мы становились городскими,
Догоняя время, а в ночи
Рядом с корпусами заводскими
Снились нам хрустальные ключи.

*(Сборник "И я этой силы частица".
Тула, 1975. – С. 97–98.)*

В КАНУН ГРОЗЫ (отрывок из поэмы)

Травы в Нижней балке по откосам –
Щедрая земная благодать.
Мы с Борисом
Тоже взяли косы,
Чтоб от земляков не отставать.

Сбитые росинки,
Будто спички,
Вспыхивали робко на лету.
Руки занемели с непривычки,
А рубахи вымокли в поту.

Тяжело!
Но я держу порядок,
Помня вздохи старших за столом:
Хлеб крестьянский
Потому и сладок.
Что добыт он потом и горбом!

В полдень бабы
Всем колхозным хором
Ворошили хрусткую траву;
Песни, как стрижи над косогором
Озорно врезались в синеву...
Лишь к закату песни отзвучали.

На дороги синий сумрак лёг.
Вечер над Хрустальными ключами
Гроздьё звёзд
Торжественно зажёт.

Борька подмигнул нам:
– Третий – лишний! –
И ушёл, оставив нас вдвоём.

Луговое чуткое затишье...
Звёздами набитый водоём...
Вот когда исполнится, быть может.
Многолетняя моя мечта!
– Маша, я люблю тебя!
– Я тоже...
– Навсегда?
– Конечно, навсегда!

... Не успел на холостяцкой койке
Задремать я около окна,
Слышу вдруг
Тревожный голос Борькин:
– Паш! А Паш!
– Ну что?
– Вставай: война!

Я вскочил.
В избе невесть откуда –
Полный угол солнечных зайчат;
Под окном жасмин расцвёл, как чудо.
Тишина. Лишь ходики стучат.

– Ты всё шутишь, чёрт!
– Какие шутки!
Вон у сельсовета, погляди:
Бабы плачут.
Собирай-ка шмутки
Да москвичку сбегай разбуди... —
Мать голосит, заслонясь рукою,
Жалкая, седая, без платка:
– Ох, сыночек!
Горе-то какое-е...
Гитлер, что бандит... исподтишка-а...

Да, война!
И сразу сникли хаты,
Смертную почувявши тоску...
До свиданья, мирные пенаты!
Через час мы ехали в Москву.

А навстречу мчались, что есть мочи,
Эшелоны с грохотом стальным,
И с платформ поглядывали молча
Наспех зачехлённые стволы...

Ещё смутно зная о потерях,
О беде, нависшей над страной,
Вечером у Маши на квартире
Пили мы прощальное вино.

В доме люстра жаркая горела,
В тонких рюмках розовел мускат;
За окном зашторенным шумела,
По-военному уже,
Москва.

Невесёлый вечер,
Как в тумане,
Прошумел, оставив лёгкий хмель.
На широком кожаном диване
Маша постелила нам постель.

Борька захрапел, уткнувшись носом,
Будто и не слышал о войне.
Я лежал с потухшей папиросой.
И вчерашний праздник сенокосный
Мимолётным сном
Казался мне.

ПОСЛЕДНЯЯ РАЗЛУКА (отрывок из поэмы)

... Политрук из-под бровей косматых
Смотрит в душу мне,
как на духу:
– Я тебе одно сказать могу:
Родина ни в чём не виновата!
И не нам подсчитывать потери,
Выворачиваясь на испод;
Наше дело немца бить и верить
В партию,
В Россию
И в народ!

В поле мина шалая рванула,
И морозный прокатился звон.
Помкомзвод молоденький из Тулы
Вздвогнув,
Что-то простонал сквозь сон...

Политрук был прав!
Не так чёрт страшен,
Как малюют.
Подоспело в срок
Подкрепление.
Ливны снова наши.
Здравствуй, разорённый городок!

Помогли сибирские ребята,
Что пришли из-за Уральских гор.
В белых полушубках, в маскхалатах,
Сплошь – богатыри,
Как на подбор.

На рассвете верткая «катюша»
Подпала сине снега,
Гнев и пламя
С грохотом обрушив
На голову сонного врага.

И когда в атаку поднял роту
Наш повеселевший политрук,
Страшная «катюшина» работа —
Чёрный снег,
Обугленные дзоты —
Даже нас ошеломила вдруг.

Вот бы нам каких подруг побольше!
Сделали б мы немцу карачун.

Но идти в пургу
По снежной толще
Было лишь пехоте по плечу.

Стужа крепнет.
Чёртова погода
Весь перемутила белый свет.
Фронт остановился:
Дальше хода
Ни машинам, ни пехоте нет.

Низких туч багровое свеченье
Да высоких бомбовозов рёв...
Лишь боями местного значенья
Козыряет Совинформбюро.

Мы лежим в снегу
над речкой сивой,
а за речкой враг в сугробы врос,
проклиная дикую Россию
И её союзника, мороз.

Жёсткий снег
С пристрелянных пригорков
по-пластунски вниз ползёт, в овраг...
Писем – ни от Маши, ни от Борьки.
Где они теперя? В каких краях?...

*(Из книги Александра Минаева
"Хрустальные ключи". Тула, 1974)*